

ТИХИЙ СЛОЙ. КНИГА 1
ЭЛЬ ФОКС

у нас всё хорошо
ТИХИЙ ДОМ
тебе показалось

Эль Фокс
Тихий дом
Серия «Тихий слой», книга 1

<https://litres.ru/74686782>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если твой дом запоминает каждую ложь?

Четыре месяца назад Ева Марч исчезла из запертого дома, оставив одно сообщение: «Всё хорошо. Не ищите меня». Мать делает вид, что дочь уехала. Отец молча смазывает цепь на её велосипеде. А дом послушно повторяет за ними: «Всё хорошо. Тебе показалось».

Бывший следователь Мара Вейл берётся за поиски неофициально и быстро понимает, что это дело о ней самой. Она четыре месяца не спит, потому что по ночам слышит то, чего не прожили другие. А на последней странице тетради пропавшей девушки написано: «Найдите Мару Вейл».

Рядом с ней двое. Бывший священник Дориан, рядом с которым смолкает всё, знает о ней слишком много и ничего не объясняет. Детектив Сайлас не верит в голоса, но верит ей и ждал её пять лет.

Первая книга серии «Тихий слой»: мистика, любовный треугольник и дом, который ждёт, когда ты сам скажешь: «Мне просто показалось».

Содержание

Тихий дом	5
Глава 1. Эхо	6
Глава 2. Записная книжка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Эль Фокс

Тихий дом

Тихий дом

Эль Фокс · «Тихий слой», книга 1

Глава 1. Эхо

— У нас всё хорошо, — сказала мать Евы Марч, и дом повторил это за ней.

Не вслух. Мара Вейл давно научилась различать такое. Вслух — это когда звук идёт по воздуху и звякает о чашки. А то, что случилось сейчас, поднялось из половиц, из стен, из самой кухни. Эхо, которое опоздало на полсекунды и от этого стало неправильным.

Мать сказала: «Всё хорошо». Дом сказал: «всё хорошо» — тем же голосом, но медленнее. Так говорят то, во что очень хотят заставить поверить.

Мара не повернула головы. Девять лет в следственном отделе научили её не показывать, что она что-то услышала. Она кивнула, отпила остывший чай и спросила, когда Ева в последний раз выходила на связь.

— Она уехала, — Лидия Марч улыбнулась так, как улыбаются перед фотографом. — У неё всё хорошо.

Дом повторил и это.

Через стол от Мары сидел Тео, девятнадцатилетний мальчик с острыми локтями, три вечера подряд простоявший у её двери. Вилка в его руке остановилась на полпути ко рту. Он смотрел на Мару, и в этом взгляде не было вопроса.

Он слышал то же самое.

Холод поднялся от ступней к коленям, тот самый, кото-

рый Мара четыре месяца называла про себя усталостью. Так холодно бывает в домах, где что-то не договорили. Это нервы, сказала она себе. Просто нервы. Четыре месяца без сна.

Но Тео всё ещё смотрел на неё, и впервые за четыре месяца она была не одна.

Кухня была такой чистой, что в ней хотелось говорить шёпотом.

Гудел холодильник. На подоконнике тикали часы в форме чайника. Пахло яблоками и средством для стёкол. Скатерть в мелкую клетку лежала без единой складки, будто её гладили прямо на столе.

На столе стояли четыре тарелки.

Мара заметила это, ещё когда вошла: четыре тарелки, четыре вилки, четыре салфетки, сложенные треугольником. Ужинали трое. Четвёртая тарелка стояла у окна, чистая, и на ней лежал кусок пирога, который никто не трогал.

— Вы давно знаете моего сына? — спросил Артур Марч.

Он сидел во главе стола, прямой, с аккуратно подстриженной сединой, и резал пирог так, будто от ровности ломтей что-то зависело. За весь ужин он сказал это первым.

— Три дня, — ответила Мара.

— Три дня, — повторил Артур. Дом за ним не повторил. Мара отметила и это.

— Я сказал, что она поможет, — Тео отодвинул тарелку.

— Она работала в полиции.

— В следственном отделе, — поправила Мара. — Пять лет назад.

— Значит, сейчас не работает, — мягко сказала Лидия. Она не спрашивала, она подводила черту.

Тео покраснел до ушей. Мара видела таких мальчиков на допросах. Краснели они обычно оттого, что взрослые опять говорят поверх их головы.

Три вечера подряд он стоял у её двери на третьем этаже доходного дома в Старом городе. В первый вечер она не открыла. Во второй открыла на цепочку и сказала, что не берёт частных дел. В третий он не постучал. Просто стоял на площадке под мигающей лампочкой, и когда Мара вышла выносить мусор, сказал ей в спину: «Вы же тоже не спите».

Она обернулась. Он смотрел на её руки. Руки у Мары в последние месяцы мёрзли так, что она носила перчатки даже дома.

Она согласилась просто посмотреть. Один ужин. Один разговор с родителями. Потом она скажет мальчику, что взрослая девушка двадцати трёх лет имеет право уехать, не спросив разрешения, и уйдёт.

— Ева прислала сообщение, — сказала Лидия. Она взяла со стола телефон, повернула экраном к Маре. — Вот. В ту же ночь.

«Всё хорошо. Не ищите меня. Я позвоню».

Дата: четыре месяца назад. Время: 03:12.

— Она позвонила? — спросила Мара.

— Ещё нет.

— Вы заявляли о пропаже?

— О какой пропаже? — Лидия улыбнулась снова, и Маре захотелось отвести глаза. — Взрослый человек уехал. Она всегда была такой. Впечатлительной. Ей всё время что-то казалось.

КАЗАЛОСЬ.

На этот раз дом не опоздал на полсекунды. Он опоздал на целую, и голос его был ниже, тяжелее, он шёл по трубам, как вода, которую слишком долго держали в батареях. Мара почувствовала его зубами.

Казалось. Казалось.

Тео дёрнулся, как от удара. Чашка в его руке звякнула о блюде.

— Тео, — ровно сказала мать.

— Простите.

— Ты весь вечер какой-то нервный.

— Простите, — повторил Тео, и Мара слышала, что в голосе у него что-то сдалось, как сдаётся человек, которого слишком долго уговаривали.

Она поставила чашку.

— Расскажите про последний вечер, — сказала она. — Когда вы видели Еву в последний раз.

Артур положил нож. Лидия сложила руки на скатерти, одну на другую.

— Был ужин, — сказала она. — Обычный ужин. Мы по-

ужинали, Ева поднялась к себе. Утром её не было.

— О чём говорили за ужином?

— Ни о чём. Как обычно.

— Ева что-нибудь говорила? Может быть, что-то её тревожило?

— Нет. У нас всё было хорошо.

ВСЁ БЫЛО ХОРОШО.

Мара смотрела на Артура. За девять лет в отделе она привыкла следить за тем, кто молчит. Артур Марч глядел в свою тарелку. Его правая рука лежала на столе, и пальцы её медленно, очень медленно сжимались, будто он держал что-то, что пыталось выскользнуть.

— Артур? — спросила Мара.

— Всё было хорошо, — сказал он, не поднимая глаз.

Дом молчал. За ним дом не повторял.

Интересно, подумала Мара. И тут же одёрнула себя: интересно что? Что тебе кажется, будто стены выбирают, за кем повторять? Ты себя слышишь?

Она себя слышала.

— Можно посмотреть комнату Евы? — спросила она.

Лидия помедлила ровно столько, сколько нужно, чтобы отказ выглядел вежливым, и не отказала.

— Тео вас проводит. Только там ничего нет. Я убрала.

Лестница на второй этаж была деревянной, крашеной, и каждая ступенька отвечала под ногой своим голосом. Мара

считала их по привычке. Девятая скрипнула, как вздох. На двенадцатой холод дошёл до колен и остался там.

Наверху было темнее и глуше, чем внизу, как в комнате, где завесили зеркала.

Тео открыл дверь в конце коридора и встал сбоку, пропуская её.

Из комнаты убрали всё, что можно было убрать. Кровать застелена, покрывало натянуто так, что на нём можно было бы играть в кости. На письменном столе ни одной бумажки. На полке книги стояли по росту, корешок к корешку. На стене остались светлые прямоугольники там, где что-то висело, а потом было снято.

— Что здесь было? — спросила Мара, кивнув на стену.

— Рисунки. Её. — Тео говорил тихо, будто комната могла обидеться. — Мама сняла в первую же неделю. Сказала, Ева вернётся и повесит новые.

— А окно?

Окно было закрыто, но по нижнему краю стекла шла белая кромка. Мара подошла ближе. Иней. В конце октября, в комнате, где батарея под окном была горячей настолько, что от неё шёл сухой, пыльный жар.

Она провела пальцем по стеклу. Иней не растаял. Он был тонким, кружевным, и в его узоры Маре на мгновение почудились буквы. Она моргнула, и букв не стало.

— Здесь всегда так, — сказал Тео за её спиной. — С той ночи. Мама говорит, плохие стеклопакеты.

Мара не ответила.

Начался шёпот.

Она узнала его сразу, как узнают в толпе голос, который слышишь каждую ночь. Четыре месяца он жил в её квартире: в вентиляции, в трубах, за обоями, в паузах между ударами собственного сердца. Шёпот без слов, без интонации, ровный, как дыхание спящего. Из-за него она перестала спать. Из-за него купила беруши, потом наушники с шумоподавлением, потом белый шум, потом снотворное, потом выбросила снотворное, потому что под ним шёпот становился громче.

Здесь он был сильнее. Здесь он был почти рядом, будто тот, кто шептал, стоял за стеной, прижавшись к ней губами.

И впервые за четыре месяца Маре показалось, что в нём есть слово.

Она замерла. Холод от колен поднялся к животу. Она слушала так, как не слушала даже на допросах, когда от одного неверно услышанного слова зависело, сядет человек или выйдет.

Шёпот дрогнул и стих.

— Вы слышите, — сказал Тео.

Она обернулась. Он стоял в дверях, белый, с покрасневшими глазами, и держался за косяк.

— Я видел. Внизу. Когда мама сказала «казалось». Вы слышали. И сейчас.

— Тео.

— Не надо как мама. Пожалуйста. — Голос у него сорвался. — Она так говорит уже четыре месяца. «Тебе показалось». «Ты устал». «У тебя сессия». Я начинаю верить. Понимаете? Я начинаю ей верить.

Мара вспомнила себя пять лет назад. Отдел, длинный коридор, кабинет психолога с фикусом и коробкой бумажных платков на столе. Голос, который говорил ей то же самое, только вежливее. И её собственный голос, который соглашался. Да, переутомление. Да, тяжёлое дело. Да, мне показалось.

Она могла сейчас сказать мальчику правду. Что она тоже слышит. Что ей тоже холодно. Что в его доме стены повторяют за его матерью, и это не стеклопакеты.

И что дальше? Ей тридцать четыре года. Она не спит четыре месяца. У неё нет работы, кроме переводов технических инструкций по ночам, нет никого, кто позвонит, если она не выйдет из квартиры неделю. Если она скажет «да, я тоже слышу», это будет значить, что она не устала. Что всё это время было не переутомление.

А если не переутомление, то что?

— Послушай, — сказала Мара. Голос вышел ровным, хорошим, тем самым голосом, которым она когда-то сообщала родственникам плохие новости. — Ты не спишь. Я не сплю. Дом старый, трубы старые, у твоей мамы своя манера говорить. Когда долго не спишь, слышишь всякое. Это нервы, Тео. У тебя и у меня. Просто нервы.

Он смотрел на неё долго. Потом отпустил косяк.

— Хорошо, — сказал он. — Мне показалось.

Он сказал это тем же голосом, каким внизу сказал «простите», и только тогда Мара поняла, что натворила.

Дом молчал. Но где-то в его глубине, в перекрытиях, в старой кладке, что-то шевельнулось. Мара не услышала этого. Она почувствовала, как чувствуешь взгляд в затылок.

Как будто дом запомнил.

Внизу хлопнула дверь, послышались голоса. Лидия говорила с кем-то в прихожей, быстро и приветливо, тем голосом, каким встречают сантехника, которого очень ждали.

Мара спустилась первой. Тео за ней не пошёл.

— Уже уходите? — Лидия стояла у двери с телефоном в руке. — Спасибо, что пришли. Тео очень переживает, вы же видите. Мы все переживаем. Но у нас всё хорошо.

Всё хорошо, сказал дом.

— Вы кого-то ждёте? — спросила Мара.

— Специалиста. — Лидия убрала телефон в карман кардигана. — Знакомые посоветовали. Он сделает так, чтобы в доме стало спокойно.

— Какого специалиста?

— По старым домам, — сказала Лидия и улыбнулась. — Тут, знаете, всё время что-то скрипит. Мешает спать.

Специалист по скрипу, подумала Мара. В объявлениях на столбах такие не попадают, а жаль, ей бы пригодился.

Она открыла перед Марой дверь. Это было вежливо и окончательно.

На крыльце пахло сырым листом и рекой. Туман пришёл с той стороны, где за панельными башнями Спального района текла вода. Фонари в нём горели не точками, а размытыми белыми пятнами, и между пятнами улица проваливалась в ничто. Мара застегнула пальто до горла и натянула перчатки.

Семёрка ходила до часу ночи. Час назад, когда Мара ехала сюда, трамвай пришёл на остановку на двадцать минут раньше расписания, пустой и светлый, как аквариум. Она тогда ещё подумала, что у них сломалось табло. Теперь подумала: интересно, придёт ли обратный вообще.

Потом подумала: Тео.

Она должна была вернуться наверх. Сказать ему хоть что-нибудь. Оставить номер. Сказать: «Позвони, если станет хуже». Сказать: «Я не знаю, что это, но ты не сумасшедший».

Она стояла на крыльце и не возвращалась. Она понимала, что это решение и что оно плохое.

В глубине тумана зажглись фары.

Машина ехала медленно, почти бесшумно, тёмная, длинная, старой модели, из тех, что больше не делают. Она остановилась у калитки. Мотор поработал ещё несколько секунд и замолчал.

И замолчал дом.

Мара не сразу поняла, что произошло. Так замечаешь, что выключился холодильник, только когда наступает тишина, и

только тогда понимаешь, сколько лет он гудел.

Дом за её спиной перестал дышать. Шёпот за стенами, которого она уже не замечала, оборвался на полуслове. Перестали звенеть трубы. Даже часы-чайник на кухне, кажется, затикали тише.

А потом стих шёпот у неё в голове.

Четыре месяца. Четыре месяца он не замолкал ни на минуту, ни днём, ни ночью, ни в трамвае, ни в очереди в аптеке. Она перестала помнить, как звучит её собственная голова без него. И вот теперь там было пусто и просторно, как в соборе ночью, и в этой пустоте она слышала, как бьётся её сердце.

У Мары подкосились колени. Она взялась за перила.

Дверь машины открылась.

Мужчина вышел не торопясь. Высокий, в тёмном пальто без пояса, без шапки, несмотря на сырость. Тёмные волосы, тронутые сединой у висков, коротко, небрежно стрижены. Лицо из тех, что запоминаешь не по чертам, а по выражению: усталое и очень внимательное. В руке у него был старый кожаный саквояж, такой, с какими ходили врачи в фильмах полувековой давности.

Красивый, отметила Мара машинально, так же, как когда-то отмечала рост, возраст и особые приметы. Это не имело никакого значения.

Он закрыл дверь машины. Звук хлопка утонул в тумане, как камень в воде.

И Мара слышала ещё кое-что. Очень тихо, на самом краю слуха, там, где кончается звук и начинается воображение. Напев. Женский голос, без слов, без мелодии почти, три-четыре ноты, которые поднимались и опускались, как колыбельная, которую поют самому себе.

Шёл он не из дома и не из тумана.

Он шёл от этого человека.

Мужчина поднял голову и посмотрел на дом. Посмотрел долго, внимательно, с тем выражением, с каким врач смотрит на рентгеновский снимок. Потом его взгляд опустился на крыльцо. На неё.

Он не удивился. Он смотрел на неё так, будто давно знал, что она будет здесь стоять, и всё равно не был рад.

Затем в его лице что-то изменилось. Едва-едва. Как меняется лицо человека, который слышал в соседней комнате знакомый голос и не может вспомнить, откуда его знает.

Напев оборвался.

Мужчина остановился у калитки. Он не открыл её.

— Вейл, — сказал он.

Он произнёс её фамилию так, как называют болезнь, которую давно ждали.

Мара никогда в жизни его не видела.

Глава 2. Записная книжка

Тишина продержалась до трамвайной остановки.

Мара шла по пустой улице, и её шаги звучали так отчётливо, что она слышала, как каблук сначала касается асфальта, а потом всей подошвой ложится на него. Туман глотал фонари. Где-то за домами проехала машина, и звук её шин был просто звуком шин, без второго дна.

Она давно не слышала мир таким чистым и плоским, как вымытое стекло.

В голове прокручивалась одна и та же сцена. Калитка. Мужчина с саквояжем. «Вейл».

Она спросила тогда: «Мы знакомы?» Голос сел, пришлось откашляться.

Он ответил не сразу. Смотрел на неё поверх калитки так, как смотрят на человека, стоящего на краю платформы: без паники, но и без доверия к его равновесию.

— Нет, — сказал он. — Идите домой. Здесь вам нечего слушать.

И толкнул калитку. Прошёл мимо крыльца, мимо неё, так близко, что пола его пальто задела её руку. От него пахло холодным воском и мокрой землёй. Лидия открыла дверь раньше, чем он постучал, и сказала тем голосом, каким встречаются сантехника: «Как хорошо, что вы приехали».

Дверь закрылась. Мара осталась на крыльце одна, и дом за

её спиной молчал, как молчит собака, когда в комнату входит хозяин.

На остановке никого не было. Табло показывало, что се­мёрка придёт через сорок минут. Мара села на холодную ска­мейку, сунула руки в карманы и стала ждать.

Шёпот вернулся на третьей минуте.

Не сразу. Сначала будто кто-то вздохнул за стеклом оста­новки. Потом в проводах над головой запело, тонко, на од­ной ноте. Потом звук сполз в её голову и устроился там на привычном месте, ровный, без слов, как дыхание спящего за стеной.

Мара закрыла глаза.

Она могла бы поклясться, что, пока мужчина стоял рядом, этого не было.

Трамвай пришёл через пять минут, а не через сорок. Пу­стой, светлый, с запотевшими изнутри окнами. Двери откры­лись прямо перед ней и подождали.

Мара жила в Старом городе, на третьем этаже доходного дома с лепниной, облупившейся до кирпича, и лестницей, которая пахла кошками и чужими обедами. Квартира доста­лась ей от тётки, которая её вырастила. Две комнаты, высо­кие потолки, окна на реку. Летом в них было светло до по­луночи, а осенью туман подходил к стёклам так близко, что казалось, дом стоит на дне.

Она не включила свет. Разулась в темноте, прошла на кух-

ню, налила воды из-под крана и выпила стоя.

На стене над кухонным столом висели листки.

Она не смотрела на них. Она научилась не смотреть на них так же, как научилась не смотреть на людей, когда дом повторяет за ними слова. Двенадцать листков, приколотых кнопками к обоям: обрывки тетрадных страниц, квитанции, обратная сторона чека из аптеки, салфетка из кафе. Двенадцать ночей за четыре месяца, когда она просыпалась в 03:12 с ручкой в руке.

Сначала она решила, что это лунатизм. Потом прочла, что лунатики не пишут разборчиво. Потом перестала читать.

Она не помнила, как писала. Каждый раз одно и то же: она открывает глаза, в комнате холодно так, что пар идёт изо рта, на часах 03:12, а в пальцах ручка. И рядом листок. И на нём её почерком, только с сильным наклоном, будто писали очень быстро или очень издалека, одни и те же слова.

Первый листок она сожгла в раковине. Второй порвала. Третий спрятала в ящик. С четвёртого начала вешать на стену, потому что следователь в ней не мог выбросить улику, даже если подозреваемой была она сама.

Двенадцать листков. Двенадцать раз одна и та же фраза.

Мара отвернулась к окну.

Внизу текла река, чёрная, тяжёлая, с полосами света от фонарей набережной. Справа угадывался горб старого моста: каменного, с чугунными фонарями, которые зажигали по старинке, по одному. Левее, в тумане, светилась белая

струна нового моста. Она редко смотрела в ту сторону. Не любила его, сама не зная почему.

На часах было без четверти час.

Она легла, не раздеваясь, поверх одеяла и уставилась в потолок. Шёпот лежал рядом, ровный и терпеливый. Она думала о мальчике. О том, как он сказал «мне показалось», и как в этот момент в его голосе что-то легло на спину и перестало сопротивляться.

Сделала это она сама, дом тут был ни при чём.

Это нервы, сказала она ему. Тем самым голосом.

Шёпот за стеной на мгновение сбился, будто тот, кто дышал, усмехнулся во сне.

В дверь позвонили в двадцать минут третьего.

Мара не спала, но звонок всё равно выдернул её, как выдёргивает крючок. Она села. Сердце колотилось в горле. Звонок повторился, коротко, неуверенно, будто тот, кто звонил, сам себя стеснялся.

Она подошла к двери босиком и посмотрела в глазок.

На площадке под мигающей лампочкой стоял Тео. Без шапки, в куртке нараспашку, с мокрыми от тумана волосами. Он прижимал к груди что-то обеими руками, как прижимают кошку, которая может вырваться.

Мара открыла.

— Ты знаешь, сколько времени?

— Знаю. — Голос у него был хриплый, словно он долго

бежал или долго молчал. — Простите. Я не мог дома. Он ходит по комнатам.

— Кто?

— Этот. Специалист. — Тео сглотнул. — Мама дала ему ключи. Он сказал, ему нужна ночь, чтобы послушать дом. Он ходит, а они сидят в гостиной и смотрят телевизор без звука. А я... Я не могу там.

Мара смотрела на него и думала, что надо закрыть дверь. Что ему девятнадцать, что он чужой, что его родители завтра же скажут, будто она заманила их сына к себе среди ночи. Что у неё нет права. Что у неё нет сил.

Что четыре часа назад она сказала ему «это нервы».

Она отступила в сторону.

— Заходи. Разуйся. Свет не включай, у меня от него голова болит.

Она включила только маленькую лампу над плитой. Жёлтый круг лёг на стол, на две чашки, на чайник, который Мара поставила просто чтобы занять руки. Листки на стене остались в тени.

Тео сел на край табуретки и положил на стол то, что держал.

Тетрадь. Толстая, в клетку, в мягкой обложке, когда-то синей, а теперь вытертой до белизны на углах. Обложка была изрисована шариковой ручкой: волны, глаза, лестницы, уходящие вниз. Резинка, которая должна была её стягивать, растянулась и висела петлёй.

— Это Евы, — сказал Тео. — Её дневник. Ну, не дневник. Она туда всё писала. И рисовала.

— Твоя мама сказала, что убрала всё.

— Мама не знает. — Он не поднял глаз. — Я забрал в первую же ночь. Ещё до того, как она стала снимать рисунки. Под матрасом держу.

— Почему?

— Потому что знал, что она уберёт. — Тео наконец посмотрел на Мару. Глаза у него были красные, сухие. — Она всегда убирает. Всё, что неудобно.

Чайник начал тихо гудеть. Мара села напротив.

— Я не хотел вам показывать, — сказал Тео. — Сначала. Думал, вы решите, что я псих. Или что Ева псих. Я хотел, чтобы вы сами услышали. И вы услышали. Я видел. А потом сказали... — Он запнулся.

— Что это нервы, — договорила Мара.

— Да.

— Я была права.

Он моргнул. Ему, наверное, никто из взрослых никогда не говорил этих слов. Мара видела, как он не знает, что с ними делать, и держит их, как держал тетрадь, обеими руками.

— Я тоже начал думать, что мне показалось, — тихо сказал он. — Пока ехал сюда, думал. Что вы правы, что я просто не сплю. Что надо выпить таблетку, как мама говорит. Я почти развернулся. На мосту.

— На каком мосту?

— На старом. Я пешком шёл.

Мара ничего не сказала. От Спального района до Старого города пешком было часа полтора.

— А потом я подумал про тетрадь, — сказал Тео. — Если мне показалось, то и Еве показалось. А я читал, что она пишет. Я знаю, что ей не казалось. Значит, и мне.

Он подвинул тетрадь к ней.

— Читайте. Пожалуйста.

Первые страницы были обычными.

Конспекты по истории искусств, почерк круглый, аккуратный, с завитками на заглавных. Списки покупок. Номер телефона, обведённый сердечком и потом зачёркнутый. Наброски: руки, руки, руки, лица в профиль, кошка на подоконнике. Ева хорошо рисовала. Даже на клетчатой бумаге, даже шариковой ручкой у неё получались живые линии.

Потом, страниц через двадцать, почерк изменился.

Не сразу. Сначала стал мельче. Потом исчезли завитки. Потом записи стали короткими, с датами, как в журнале наблюдений.

12 марта. Мама сказала «у нас всё хорошо» тёте Вере по телефону. Дом повторил. Я слышала. Тео за стенкой спал.

14 марта. Опять. Два раза за ужином. Папа делает вид, что режет мясо.

20 марта. Спросила маму, слышит ли она. Она сказала, что мне показалось. Дом повторил «показалось». Она не

обернулась. Она НЕ ОБЕРНУЛАСЬ. Нормальный человек бы обернулся.

Мара перевернула страницу. Чайник закипел и щёлкнул. Ни она, ни Тео не встали.

2 апреля. Холодно в комнате. Батарея горячая. Иней на окне. Мама говорит, стеклопакеты.

9 апреля. Нашла в кладовке бабушкину икатулку. Мама сказала, бабушка умерла в больнице, когда мне было три. Почему тогда в икатулке записка из больницы, что «пациентка покинула палату самовольно»? Спросить папу.

10 апреля. Папа сказал: «Не надо, Евочка». И ушёл в гараж.

На полях рядом с этой записью был нарисован дом. Их дом, Мара узнала крыльцо и окно второго этажа. Нарисован тщательно, с тенями. Только все окна в нём были закрашены чёрным, а изо рта двери шла длинная лента, и на ленте мелкими буквами было написано: *всё хорошо всё хорошо всё хорошо всё хорошо*.

Дальше записи стали чаще. Потом реже. Потом между ними пошли пустые страницы с одной строкой посередине, будто Ева садилась писать и не могла.

Май. Я слышу не только дом. Я слышу ночью что-то под городом. Не знаю, как ещё сказать. Как будто под асфальтом течёт вторая река.

Май. Видела на мосту человека. Он не отражался в воде. Наверное, угол. Наверное, свет.

Мара задержала палец на этой строке. Подумала: угол. Свет. Переутомление. Она знала все эти слова. Она их сама когда-то говорила себе.

Июнь. Если я скажу вслух, мама скажет, что мне показалось. Если я не скажу, дом скажет за неё. Я не знаю, что хуже.

Июнь. Тео, если ты это читаешь, прости.

Тео сидел напротив, сжав руками кружку, в которую никто так и не налил кипятка. Он знал эти строки наизусть, поняла Мара. Он смотрел не на тетрадь, а на её лицо, будто проверял, что оно сделает, когда она дойдёт до этого места.

Лицо она удержала. Девять лет в отделе даром не прошли.

Последняя запись была датирована той самой ночью. Ночью, когда Ева прислала сообщение «Всё хорошо. Не ищите меня». Почерк был уже совсем чужой: размашистый, с сильным наклоном вправо, буквы налезали друг на друга, как будто писали очень быстро. Или в темноте. Или очень изда- лека.

Сказала ей за ужином. При всех. «Ты тоже слышишь». Она ничего не ответила. Папа уронил вилку. Тео не было, он задержался в коворкинге.

Дом повторил «ты тоже слышишь» восемь раз. Потом замолчал. Потом начал говорить «тебе показалось». Её го- лосом. Без неё. Сам.

Он хочет, чтобы я тоже это сказала. Он ждёт. Я чув- ствую, как он ждёт.

Я не скажу.

Дальше было пусто. Мара перевернула лист. И ещё один.

На последней странице, на внутренней стороне задней обложки, тем же почерком, но крупно, во всю страницу, было написано:

Ты тоже слышишь. Не говори, что тебе показалось.

Мара очень медленно положила тетрадь на стол.

В кухне вдруг стало холодно, будто кто-то открыл окно в январь. Пар пошёл изо рта у Тео, потом у неё. Лампа над плитой мигнула и загудела.

— Вот, — сказал Тео шёпотом. — Вот здесь. Я поэтому...

Она не слушала. Она смотрела на последнюю страницу.

Наклон. Буквы, налезавшие друг на друга. «Т» с длинной перекалиной, похожей на мост. Хвост у «й», уходящий вниз и влево, как будто ручку дёрнули.

Она знала этот почерк. Она двенадцать раз видела его, просыпаясь в 03:12 с ручкой в руке. Это был её собственный почерк, и это был почерк девушки, которую она ни разу в жизни не видела.

Мара встала. Табуретка проскрежетала по полу. Тео вздрогнул.

Она подошла к стене и включила верхний свет.

Головная боль ударила в виски сразу, как и всегда от яркого света. Мара не обратила на неё внимания. Она стояла перед стеной и смотрела на двенадцать листков, на которые

четыре месяца запрещала себе смотреть.

Обрывки тетрадных страниц. Квитанция за свет. Обратная сторона аптечного чека. Салфетка из кафе. На всех одна и та же фраза, её рукой, но с чужим наклоном.

Ты тоже слышишь. Не говори, что тебе показалось.

За спиной скрипнула табуретка. Тео подошёл и встал рядом. Мара слышала, как он перестал дышать.

— Это вы писали? — спросил он очень тихо.

— Не знаю, — ответила Мара. За четыре месяца она ни разу не сказала этого вслух.

Он не ответил. Он смотрел на стену так, как смотрят на фотографию, где рядом с тобой стоит человек, которого ты не помнишь.

Потом медленно, будто тетрадь могла укусить, протянул руку назад, взял её со стола и снова открыл последнюю страницу.

— Вы не дочитали, — сказал он. — Там ещё есть. Внизу. Очень мелко. Я поэтому вас и искал.

Он поднёс тетрадь к свету.

В самом низу страницы, под крупными буквами, почти у края обложки, тем же торопливым наклонным почерком, который был и не был её почерком, стояла ещё одна строка. Мара прочла её, и холод поднялся от пальцев к самому горлу.

Найдите Мару Вейл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.